

Игорь Владимирович Голубь родился в 1984 году в Калининграде. Окончил Балтийский федеральный университет им. И. Канта по специальности «Журналист». Работает в правительстве Калининградской области экспертом-лингвистом. Автор пяти поэтических сборников и совместно с поэтессой Екатериной Мантуровой — сборников стихов «Два кита», «Города», «Неман». Редактор и издатель молодежного литературно-публицистического журнала «Веретено», руководитель поэтического театра «Буревестник». Руководитель Совета молодых литераторов Калининградской области. Член Союза писателей России. Живет в Калининграде.

Игорь Голубь

КРАСОТА

Рассказы

Майор Самойлов лоснился и блеснул от идеально начищенных сапог до звездочек на погонах: дома его ждала дочь Катенька, у которой аккурат сегодня пятнадцатилетие. Рядовые попеременно скользили по казарме, не забывая отдать майору воинское приветствие и сделать умный вид (Самойлов особенно ценил в солдатах острый ум и любовь к Родине).

Кстати, Катя была проклятием этих пацанов, и вот почему. В ней неуговорно и стойко пробивалась красота — неоспоримая и неосторожная. Сдержатъ в себе ее у девушки не получалось — то наденет короткую юбку и пройдет по краю плаца, дразня солдат, то прозрачную блузочку, словно назло отцу. Бывало, соберет на плацу майор личный состав, а мимо дефилирует Катя — и у солдат равнение налево выходит само собой.

Майор давно развелся с женой и методично старался ее не вспоминать: иногда природа дает собой, и материнские чувства в женщине не проявляются, вот и с матерью Кати так вышло — уже три года семья ее не видела и ничего о ней не слышала.

Катенька смирилась с этим, перенесла, выдохнула и стала упрямо брать пример с отца. А отец во всем старался быть офицером, и даже в минуты слабости и грусти оставался подтянутым, как струна,

задирал голову вверх, поглаживал подбородок, вытягивал кончиками пальцев в стороны свои породистые черные усы и становился монолитом — никаких сантиментов! Катя смотрела на отца и улыбалась, в такие моменты он казался ей немного смешным, но еще более родным. Так и жила семья Самойловых — маленькая, но с характером.

Майор готовился к скромному юбилею единственного родного человека — он выглядел как новенький рубль, во всем его образе сегодня не могло быть даже самой мелкой ошибки — все максимально приближено к идеалу. Конечно, Самойлов уже все рассчитал по секундам — сразу после наряда он мгновенно рванет на автобусное кольцо, расположенное прямо за казармами-общежитиями, и купит дочери лучший букет, лучший — иначе быть не может. Миниатюрную музыкальную шкатулку он ей купил уже неделю назад, носил с собой, потому что в их тесной квартире такой подарок можно было обнаружить очень быстро. И только ночью, посреди наряда, когда весь личный состав роты спал, а дневальный мыл полы в спортзале, он на несколько секунд ставил шкатулку на колени и слушал музыку Дебюсси. Потом резко, но аккуратно закрывал крышечку, убирал подарок в ящик и довольно улыбался.

К вечеру погода бессовестно испортилась, тучи затянули все небо, и плац довольно скоро собрал коллекцию луж. Майор сдал пост дежурного по части капитану Ермакову и уже через десять минут был у двери офицерского общежития с огромным букетом белых роз и шкатулкой.

Катя себе не изменила — все в ней цвело и полыхало. И хотя она решила порадовать отца и оделась относительно скромно, брови майора совершили скачок вверх. Говорить офицер красиво не умел, всегда предпочитал лаконичность, но речь подготовил заранее, от души, поместил в нее все самые теплые слова, что знал.

Катя растрогалась и поставила шкатулку на любимую тумбочку у окна. Майор был довольным и важным. Однако после праздничного ужина Катя решила сообщить отцу новость, которую он никак не мог одобрить, хотя и вынужден был, — дочь планировала на следующий день отдохнуть с одноклассниками. К последним майор относился с неприкрытым пренебрежением, так уж вышло, что подобные вечеринки заканчивались нередко проблемами с алкоголем и драками. Самойлов чесал затылок, ерзал на старом диване, возле которого был поставлен праздничный журнальный столик, и в итоге кивнул, дав свое вынужденное согласие.

Утром он ушел на службу хмурым и невыспавшимся, внутри него нарастало комом беспокойство, почти материнское: Самойлов уже принял для себя решение учиться смотреть на дочку глазами матери, заменяя ее в этой сложной роли... Он впервые за последнее время шел в казарму в таком состоянии, опустив глаза, дышал словно через раз, не замечая отдающих ему воинское приветствие сержантов из зенитно-ракетной бригады, курсирующих вдоль здания в сторону КПП.

Ну а Катя оставалась собой — черная мини-юбка, белоснежная блузка, русые волосы, роскошно текущие по плечам, — всем видом дочка майора источала праздник и женственность, столь рано бьющую фонтаном. Она оставила, как и обещала отцу, на столике адрес места на соседней улице, где ее ждут приятели, и спешно ушла.

Весь день у майора все валялось из рук. Он упорно находил себе дело, чтобы отвлечься, впервые в жизни покидал надолго кабинет, давал пору-

чения солдатам командно-технического узла и стоял рядом, стараясь уйти в процесс, забыться. Солдаты нервничали, дело не шло, им казалось, что и без того дотошный майор, ставящий устав превыше всего, ищет, к чему бы придраться. Но Самойлов смотрел почти в пустоту, будто искал глазами выход из своего состояния.

Потом он бродил по казармам — то у окна застынет, наблюдая за не-сущимися по брусчатке машинами за КПП, то в курилку заглянет — для проформы, а вдруг там беспорядок, то примется рассказывать дневальному, как правильно подшивать подворотнички. Даже боевой капитан Ермаков, которого очень любили солдаты за искрометный юмор и рвущие душу рассказы о войне, косился на майора и не понимал, что с ним творится, почему он настолько оторван от реальности.

Вечер упал на город нехотя, с отяжкой, стояла духота. Над плацем летали крикливые чайки, на турниках шумел спорт — новичков из третьей казармы, будущих спецназовцев, практически дрессировал бывалый лейтенант. Они старались, как могли, отдавали все силы, но все равно выглядели, как плотва на сушке.

Майор торопился домой как никогда, но дочку там не обнаружил. Он тяжело вздохнул, замаялся и, потоптавшись в прихожей, разулся и сел на диван. Все было согласно привычному распорядку дня — разогреть суп, любимый гороховый, с заботой приготовленный дочкой, привести в идеальное состояние офицерскую форму, включить телевизор и найти там старый советский фильм — эти фильмы майор обожал с детства и никогда не пропускал. Но сегодня любое дело казалось Самойлову каким-то пустым...

За окном стемнело, стояла густая и зловещая тишина, единственный фонарь, прятанный за углом казармы, светил будто нехотя. Майор не находил себе места, потом собрался и вышел на улицу. Ни на плацу, ни у соседних казарм не было ни души — привычная вечерняя суета уступила место странному затишью. Ветра не было, липы стояли в рядок, и запаха страдающей от дневной жары и нагретой листвы витал в воздухе.

Самойлов все больше нервничал, но понимал, что офицерская выдержка — лучшее, что он может в этой ситуации. 15 лет — дело такое, дочка выросла на глазах, и воспитывал он ее строго, надо же хоть иногда дать ей спокойно порадоваться жизни! Но внутри все больше росла тревога, майор не привык расходиться на подобное и сейчас был уверен, что интуиция не может его подводить.

Решение он принял мгновенно — вернулся домой, схватил бумажку с адресом и широкими нескладными шагами пошел на соседнюю улицу к типовой пятиэтажке — их на автобусном кольце было не меньше дюжины. Район он знал наизусть, найти нужный подъезд проблемой не стало.

Входная дверь оказалась подперта камнем — видимо, подъезд проветривали жильцы первых этажей, в такую жару это было не удивительно. Майор молниеносно нашел квартиру на третьем этаже, она единственная оказалась без номерка, и кнопка звонка выдала протяжный полугудок. У двери он стоял буквально пару секунд, за ней была отчетливо слышна музыка, но сейчас она оборвалась, и воцарилась мертвая тишина. Майор был уверен, что Катя там, дышать становилось все трудней, на лице выступил холодный пот. Дверь никто не открывал. Самойлов нажал кнопку еще дважды, за дверью были слышны шорохи, но ситуация не менялась. Тогда Самойлов в непривычной для него манере с силой постучал кулаком в

дверь — сделал он это по-офицерски, настойчиво и жестко, звук был настолько мощным, что дверь содрогнулась. Очевидно, за дверью поняли, что нужно решать ситуацию, и ее открыл высокий тощий блондин, явно выпивший, с немного косыми глазами. Он старался выглядеть старше и серьезнее, но в итоге процедил только пару слов: «Вам что?» Майор вытянулся в струну, как и всегда, на нем была офицерская форма, вид у него был грозный: «Я пришел за дочерью, Екатериной. Позови ее». Слова он отчеканил так, что об них можно было порезаться. Парень застыл, как вкопанный, явно не зная, как поступить. Самойлова это только больше злило, он сделал уверенный шаг вперед, жестко подвинув плечом блондина, и громко выкрикнул: «Катя!» Внутри него все клокотало, страх за дочь заглушал даже злость. Из соседней комнаты раздался слабый голос дочери, глухой и странный. Никогда майор не чувствовал в себе такую уверенность, он не сомневался ни в одном своем движении, ни в одном своем слове.

Но увиденное повергло в шок даже его, бывалого офицера, потомственного командира, ставящего смелость и решимость выше многих добродетелей. В комнате находилось два парня, оба растерянные и всклокоченные, Катя сидела у батареи, вжимаясь всем телом в железо, в глазах ее был почти животных страх. Видно было, что она пьяна и пытается собрать себя в кулак: смелость офицерской дочки мешалась со слабостью пьяного подростка и ужасом от происходящего.

Самойлов опустил взгляд на ноги дочки, это не могло не броситься в глаза — на ногах были редкие, но заметные садины, блузка была порвана в двух местах. Катя собрала в себе все свои силы и, заорав «Папа!!!!», рванула к нему, но ее ноги тут же подкосились, и она рухнула на грязный оранжевый пол. Майор в очередной раз не медлил и принял решение быстро поднять ее и удалиться из этого места, но вдруг сзади на него бросился тот самый блондин. Все произошло очень быстро — два другие парня напали на майора спереди. Катя из последних сил схватила одного из них за лодыжку, и тот не успел кинуться на майора. Самойлов был человеком крепким, хоть и довольно худощавым, а сейчас на кону стояла уже не офицерская честь — честь его дочки. И с той же силой, что он только что стучал в дверь, майор рубанул набежавшего спереди. На спине все еще дергался пьяный блондин, Самойлов сбормался с силами и перебросил его через плечо. За считанные секунды перед глазами офицера пронеслось очень многое: вспомнил он капитана Ермакова, получившего ранение в Чечне, — а ведь сам он, при всей выправке, только следил годами за сохранностью техники и чистотой казармы. Пожалуй, именно сейчас майор принял свой настоящий бой. Только его родиной была маленькая неуклюжая девчонка, ревущая на полу... Самойлов отбил, дрожащей рукой поправил форму, выпрямился, как и полагается настоящему офицеру, поднял дочь на руки и вынес ее из этого омерзительного места.

Улица выглядела все такой же мертвой и глухой, фонари скупо раздавали свет. Катя попросила отца отпустить ее и, немного качаясь, вжалась своей маленькой головой в отцовскую грудь. Самойлов снял с себя китель, аккуратно надел на дочку, и они молча пошли к дому. Слез у Кати становилось все меньше, она очень старалась взять себя в руки, но на всякий случай держалась за край рукава отца, как в раннем детстве. Все в глубине ее тела пульсировало и ныло, но она сжимала в левой руке отцовскую звездочку, оторванную в драке с погона и подобранную с пола, пропажу которой майор еще не заметил, и тихо, через последние накатывающиеся слезы, улыбалась.

Улица Победы продувалась всеми ветрами. Старые низкие домики с черепичными крышами ползли по ней до спуска к реке и водонапорной башни, дальше была окраина городка с типовыми пятиэтажками. Семеновна очень любила свой дом. Конечно, его не ремонтировали с послевоенного времени, черепица уже местами готовилась сыпаться на асфальтированную дорожку или утопанный грунт двора, где стоял перекошенный сарайчик. Но каждый угол дома был ею любим. И хоть годы брали свое, она по субботам делала традиционную уборку, шаркая старыми тапками по оранжевому полу, переставляя белое ведро, полное воды, по всем комнатам. Ну а потом присядет на диван, застеленный полосатым покрывалом, выдохнет, посмотрит довольно в окно. Или уставится на портрет мужа, который уже как пять лет преставился, и скажет дрожащим голосом: «Видишь, дед, как чисто у нас, дом наш еще долго простоит, видит Боженька...»

И дом стоял, радовал старую хозяйку. Под окнами постоянно вертелась ребятня из соседнего высокого старинного особняка, что через дорогу, детский смех очень радовал Семеновну. Соберется нехотя в магазин да на рынок за свеклой или капустой, возвращается домой, а ребята на велосипедах несутся мимо. «Ух, чертята!» — выкрикнет Семеновна, а самой на душе светло, вот она, жизнь, городок живет. И большие липы под порывами ветра кивают ей вслед, идущей к родному порогу.

А тут и Вероника Николаевна из управляющей компании в гости зашла. Не нравилось это Семеновне, ой как не нравилось, все говорила гостя, что дому нужен ремонт. «Знаю я вас, ничего хорошего не сделаете, проды!.. — голосила хозяйка и недовольно постукивала ногой по полу, сидя в любимом кресле у окна. — Черепицу мою всю побьете, положите абы что взамен, ваты своей на фасад наклейте, а я потом летом помирать от жары тут буду! Ничего, дом мой еще вас переживет, внуки вон сюда с радостью приезжают». Вероника Николаевна злилась, нервничала, но уже давно не пыталась спорить с Семеновной, та ее и слушать не хотела. Но в доме и вправду была небольшая трещина, крыша прохудилась местами, штукатурка облетала — как же такое не заметить, работу свою она любила, вот и ходила в надежде, что пожилая женщина одумается, примет другое решение. Семеновна была непреклонна.

Посидит у окна пару часов, почитает свежие новости городка в тоненькой местной газетенке, а потом пошаркает на рынок возле автовокзала, там и свежие петрушка с укропом, и плотву у рыбаков можно купить, только в реке, поди, выловили, пожарит дома, головой кивает — мелочь, а радостно. Или возьмет вечером томик Достоевского, любил дед читать его книги, полистает, головой помотает, тяжело вздохнет и положит книгу на подоконник. Одиноко ей, внуки-то приезжают, да редко, скучно им в маленьком городке, все норывают в областной центр вернуться поскорее, к делам, к суете. Дочь Люда так вообще только пару раз в год навестит и то бубнит постоянно, мол, деревня, хорошо, что уехали отсюда.

Так и жила Семеновна, размеренно, с разочарованиями и маленькими радостями, как все жила. Жить-то надо, одна она, жизнь. Иногда ходила на кладбище к деду, бороться с травой, тяпку возьмет, поворчит, а потом посмотрит на плиту, слезы вытрет платочком и подумает, что хоть и морщины совсем лицо съели, рано ей еще сюда. Дед, поди, ждет, а рано. Подует свежий ветер с реки, огромные деревья заскрипят, где-то в кроне

птица мелкая запоет — жизнь, она такая, всюду она, в каждой детали, в каждом движении.

А у двери снова будет ждать Вероника Николаевна, нет-нет да зайдет снова, заглянет. Но в эту пятницу пришла она с дурными новостями — сносить дом будут. Боятся власти, что рухнет он, а им потом отвечать. А Семеновну переселят в новый дом, квартиру хорошую дадут — светлую, большую. Разозлило это старую женщину больше прежнего, махнула рукой сгоряча: «Иди отсюда! Да передай своим умникам, что дом не отдам никому! Я тут всю жизнь прожила, здесь и Богу душу отдам». Семеновна сделала угрожающий шаг навстречу Веронике Николаевне и сморщила брови так, что глаз почти не было видно: «Иди-иди!» Обсуждали этот вопрос потом в управляющей компании, даже мэру звонили, да так и решили, что поднимут его позже. В который раз так решали, больно уж Семеновну уважали все в городке, она и войну в окопах провела, солдат сколько раненых вытащила. Потому и название родной улицы для нее было не просто названием, она салют победный помнила, да и лица тех солдат, которых тащила в медсанбат, помнила хорошо. Святое это дело, Победа, вон, внуки ленточек на праздник себе привяжут на сумку и ходят, а она носила под сердцем эту ленту, глубоко носила.

Но не всегда на улице было спокойно, порой местные парни шумели, выпьют водки и кричат. Что им, окаянным, горло-то луженое, гоняла их Семеновна. Возьмет палку и машет ей, поднять уже над головой не может, годы не те, а все же характер есть. Парни смеялись, конечно, но стариков уважать мать их учила, вставали со скамейки во дворе и шли прочь, к реке, там и продолжали.

Но все чаще уезжали молодые из городка, все больше пьющая молодежь оставалась тут. Намедни на Советской старый дом сгорел почти дотла, даже тушить не стал никто, пьющие муж с женой выскочить успели, проснулись вовремя. Сколько вещей в том пожаре сгорело! Боятся стала Семеновна, что подожгут дом, волновала ее эта мысль и не давала покоя. То к одному окну подойдет, что во двор, посмотрит на сарай, то к другому, что на дорогу — машина пронесется мимо, собака залает, фонари к вечеру зажгутся — успокоится немного старая женщина, сядет на кресло, выдохнет и уснет. Часто она засыпала в кресле, хоть уже и спина болела люто, а что уж там, у старого человека времени на отдых много, огород давно она продала за копейки, после смерти деда сил работать там не было уже. В магазин сходить да с соседкой новости обсудить — а и незачем на улицу больше ходить, разве что иногда вот на кладбище, к деду.

Так и шла жизнь. На выходных собралась приехать дочка с внуками, оставаться с ночевкой не захотела — холодно, мол, в комнате. То ли дело в городе — все удобства, трехкомнатная квартира, вид из окна на весь квартал. Семеновна не стала перечить, внуков обняла, чай поставила с вареньем малиновым, внуки — Колька и Димка — любили на батон его мазать вверх масла, ели так, что за ушами трещало. Они и добавку просили, ей на радость. Вечером, когда мальчики уже одевались, чтобы спуститься на улицу и сесть в машину, Семеновна решила поговорить с дочкой. Люда не была рада задержке, переминалась с ноги на ногу недовольно, но встала в проеме комнатном и слушала мать. Семеновна решила, что надо старый дом оставить внукам. Чтобы приезжали сюда, на реку ходили, на велосипедах катались, в лес за грибами или за брусникой, леса-то богатые! Люда слушала и косилась на портрет деда, вздыхала громко, а потом резко выронила: «Нет, мам, ты меня прости, но дом мы продавать

будем!». Сказала — как отрезала. «Ты подожди, меня что, хоронить вздумала? — в недоумении крикнула Семеновна. — Я пока еще жива! Ты вон как та настырная Николаевна из управляющей компании. Не дам я дом продавать, поняла?!» Последние слова Семеновна выкрикнула хриплым голосом. Люда фыркнула и вышла на улицу. Так и висело в коридоре гробовое молчание. Семеновна еще долго смотрела на дверь, понимая, что нескоро дочь приедет снова, внуков теперь видеть реже будет. Плохо ей на душе стало, мутно, уселась в кресло, платок в руках сжала, вытирая частые слезы. За окном густели сумерки. Шумные дети убежали по домам с площадки, которая находилась как раз за старым сараем. Улица медленно засыпала, погружалась в привычный тихий весенний полумрак. Заснула и Семеновна в любимом кресле. Снилось ей, что дед в гости пришел, на кухне снова началась радостная возня, на сковородке трещала яичница, чайник зашипел. Жизнь, такая пестрая и разная, снилась ей.

А утром снова пришла Вероника Николаевна обсуждать снос дома. Звонила в дверь долго и настырно, но никто не открыл. Только лестница поскрипывала под ногами Вероники Николаевны, будто всхлипывая. Дом — он ведь тоже живет. Бывает, что радость в нем, а бывает, что слезы.

